

Ф. И. Булгаков

Дело о подкупе министра Луи-Филиппа

Федор Ильич Булгаков

Дело о подкупе

министра Луи-Филиппа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18604869

Аннотация

«Последние годы так называемой июльской монархии во Франции, т. е. правления буржуазного короля Луи-Филиппа Орлеанского, омрачены были процессом, который во многом аналогичен с пресловутым Панамским делом. Положение вещей тогда (в половине 40-х гг.) было таково, что министерские депутаты в парламенте подозревались в продажности совершенно также, как теперь 104 депутата третьей республики...»

Содержание

1	4
2	7
3	10
4	13
5	18

Ф. И. Булгаков

Дело о подкупе министра Луи-Филиппа

1

Последние годы так называемой июльской монархии во Франции, т. е. правления буржуазного короля Луи-Филиппа Орлеанского, омрачены были процессом, который во многом аналогичен с пресловутым Панамским делом. Положение вещей тогда (в половине 40-х гг.) было таково, что министерские депутаты в парламенте подозревались в продажности совершенно также, как теперь 104 депутата третьей республики. Народ утратил к ним всякое доверие. За то депутаты оппозиции, с Ламартином и Ледрю-Роленом во главе, пользовались большой популярностью. Юмористические журналы, особенно «Charivari», осмеивали правительство на все лады. Производились покушения на Луи-Филиппа. Король заперся в Тюльери, а когда в годовщину июльской революции, предоставившей ему престол, он показался на балконе перед собравшейся толпой, то раздались два пистолетных выстрела. Денежная аристократия становилась все более дерзкой и назойливой. Иезуитам оказывалось

покровительство. Выборы в палату депутатов явились точно насмешкой, ибо они производились не нацией, но незначительной частью её из богачей. В прессе подвизались против правительства Жирарден, Арман Мараст, Арого, Лафитт, Дюпон, Ларош-Жоклен, Беррейер, Ламартин, Ламенэ, Корменэнь. Все эти публицисты старались возбудить ненависть и презрение в руководящим государственным деятелям. Правда, Гизо, знаменитый историк, бывший первым министром в последние годы июльского королевства, заявлял, что оскорбления этих писателей никогда не достигнут высоты его презрения. Но это была только фраза.

На самом деле продажность и взяточничество властей и членов парламента свидетельствовали, до какой степени глубоко проникла развращенность в сферу правительства и палат, созданных при буржуазном королевстве. Жирарден в своей «Presse» явился бесцеремонным выразителем ужаса и отвращения, охвативших все слои общества. Его вздумали преследовать за это судебным порядком, и в палате внесено было предложение о возбуждении такого преследования. Жирарден воспользовался этим, чтоб направить против людей власти целый поток подобных же обвинений, с какими выступили депутат Делагэ и его единомышленники против членов парламента третьей республики в Панамском деле. Оппозиция потребовала следствия, но большинство палаты приняло формулу перехода к очередным делам с выражением доверия министрам.

Таким образом к концу 40-х гг. Франция представляла собой зрелище государственного организма, снедаемого грязными пороками. Демон «Деньги» искушал всякую совесть и запятнал честь. Один из даровитейших, самых шумных и самых бессовестных журналистов оппозиции, Эмиль де-Жиарден оказался продавшимся министерству. Пуля, которой он сразил своего коллегу Армана Барреля из «National», явилась как бы символом новейшего развития французской журналистики. Арман Баррель был одним из честнейших, благороднейших и даровитейших представителей печати. Это – рыцарь без страха и упрека французской журналистики. И он пал от руки того, которого можно считать родоначальником системы подкупа, водворившейся в большей части французской прессы, от руки того, которому покойный Эмиль Ожье во образе Вернулье в «Effrontés» поставил памятник позора. Традиционная продажность французской печати есть также культурный цветок июльской монархии. Продажность царила тогда всюду, широко разветвленная система подкупов отравляла правящих и управляемых. Буржуазия и намербованные из неё власти и законодатели заразились жадной безразборчивой в средствах наживы. Вся эта гнилость системы раскрылась с полной очевидностью в процессе Теста-Кюбьера.

2

Это было в 1847 г. Общественное мнение, наспигованное оппозиционной прессой, укоряло министерство за его бездеятельность в делах внешних и за реакционные повадки в политике внутренней. Оно требовало прежде всего избирательной реформы. Оппозиция в своей настойчивости становилась все более грозной. Тут-то и выдвинулось на сцену событие огромной важности. Газета «Le Droit» напечатала в номере 1-го мая историю процесса, затеянного неким Пармантье против генерала Депан-Кюбьера и пяти других лиц. Газета привела выдержки из многих писем Кюбьера к Пармантье. Из этих писем явствовало, что генерал подкупил министра публичных работ Теста с целью добиться от правительства концессии в пользу фирмы Пармантье, Галье и К^о на копи каменной соли, находящиеся в Гугенане. Положение участников этого подкупа оказывается совершенно такое же, как при подкупе министра публичных работ Банго в Панамском деле. Здесь посредником между министром и компанией предприятия Лессепса служил банковый чиновник Блонден, там играл ту же плачевную роль генерал «великой армии».

Депан-Кюбьер был сын одного техника-агронома, оказавшего различные услуги французскому двору при Людовиках XV и XVI. В 1804 г. Кюбьер окончил военную службу

в Фонтенебло. Затем он не раз отличался в войнах империи, в битве под Москвой под ним были убиты три коня, участвовал в походах в Испанию и Морею. К 1839 г. Кюбьер сделался пэром Франции и два года под ряд занимал пост военного министра. Потом он несколько лет жил вдали от дел, пока не потряслась над ним история Гугенанских копей.

Второй из компрометированных сановников, Тест, также имел крупное и видное имя. Во время террора он бежал в альпийскую армию, потом был адвокатом и генеральным полицейским комиссаром в Лионе. После вторичного возвращения Бурбонов во Францию, он бежал в Люттих. В одной из своих речей в палате депутатов он как-то сказал: «Я был выброшен бурей на чужую землю с 32 франками в кармане. Я там не знал никого. Только после долгих и трудных поисков я мог существовать работой своих рук». Голландский король Вильгельм вверил ему управление своими имениями. По возвращении в Париж Тест сделался поверенным государственных имуществ и казны. Во время июльской революции он старался угодить толпе демократическими аллюрами и громче всех требовал учреждения республики. В 1831 году Тест попал в палату депутатов, а 10-го ноября 1834 года – и в министерство. Тогда он получил портфель торговли в «министерстве трех дней». В 1836 году он стал вице-президентом палаты, а 1839 году 12-го мая, вследствие коммунистского восстания, вторично попал в министерство.

Граф Моле, доверенное лицо Луи Филиппа, отказался

от поста министра-президента, и в эти трудные минуты, ни одна из выдающихся личностей парламента, ни Тьер, ни Гизо, ни Дюпень, не решались взять на себя руководство кабинетом. Таким образом, под председательством маршала Сульда, образовалось министерство из личностей второстепенных, как Дюшатель, Дюфур, Пасси, Вилльмэнь, и в их числе был Тьер. Не более года продержался этот королевский кабинет 12-го мая. Его сменило министерство Тьера. Но Тест остался. Он получил портфель публичных работ, которым и правил до 16-го декабря 1843 года. Вскоре после того он сделался пэром и потом президентом кассационного суда.

3

В заседании палаты депутатов 3 мая 1847 г. депутат Мюре де-Борт вдруг обратился к правительству с запросом насчет слухов, передававшихся прессой и произведших такое тяжкое впечатление. Тогдашний министр публичных работ Дюмон и товарищ его Легран ответили, что подозрения печати лишены основания, что никогда концессии не получались иначе, как по выслушании властей горного ведомства в общем собрании совета министров. Они утверждали, что во всех этих делах не имеет значения какая-либо протекция министра. Дюмон так заключил свою речь: «Произнесены тяжкие обвинения и публика занимается ими. Они взволновали палаты, правительство совещалось об этом и принимает меры, чтоб вполне выяснить факты и дать им тот законный ход, какой они должны иметь».

Вслед затем на трибуну вошел депутат Лербетт. Сказав несколько слов об опасности от вмешательства людей политики в промышленные предприятия, он прочел несколько писем. Текст этих писем отличался бесстыжим цинизмом.

В одном письме 14 января 1842 г. говорилось: «наше дело зависит от лиц, находящихся теперь у кормила правления... Г. Легран высказался в этом отношении следующим образом: концессия может быть предметом решения в совете министров. Стало быть, нам нельзя медлить, чтобы создать под-

держку в совете министров. Я имею возможность добиться такой поддержки, а ваше дело дать средства на это... Без сомнения, многие (разумеются акционеры) очень склонны рассчитывать на наше полное право, на справедливость правительства, и однако ж это чистое ребячество. Не забывайте, что правительство находится в алчных и продажных руках, не забывайте, что свободе печати угрожает опасность быть задушенной в один прекрасный день, и что полное право никогда еще не нуждалось в высшей протекции в такой степени, как теперь».

В письме 26-го января 1842 г. сказано: «вращаюсь среди депутатов, бываю у большинства министров, дружбу которых считаю полезною для успеха нашего дела».

3-го февраля того же года письмо гласило: «...необходимо определить число акций, каким мы должны располагать, чтобы обеспечить за собой поддержку, которая нужна для успеха нашего дела».

Чтение этих писем произвело целую бурю в палате депутатов. На следующий день Тест сам, без всякого вызова, появился на трибуне палаты пэров. Сказав, что подкуп был бы бесполезен в деле, которое зависит не от министра, он уверял, что он не понял ни одного слова в прочитанных письмах, что он даже не в состоянии высказать какой-нибудь догадки по этому поводу. Тест выразил желание, чтобы это дело было вполне выяснено.

Кюбьера в этот день не было в палате пэров. 6-го мая хра-

нитель печати палаты пэров сообщил распоряжение короля о предоставлении палате полномочий государственного суда для возбуждения дела против Кюбьера. Волнение в среде пэров достигло точки кипения. Только Кюбьер, бывший тогда секретарем палаты, оставался совершенно спокоен.

«Никогда, – сказал он, – никто не мог бы спокойнее и равнодушнее меня посмотреть в лицо истине, которая когда-нибудь выяснится».

Этот скандал для газетной оппозиции явился отличным поводом к ярким нападкам на правительство. К то время, как «Journal des Débats» и «Constitutionnel», в качестве официозных органов, удовлетворялись простой передачей фактов, без дальнейших комментариев, и находились в явном затруднении относительно обвинения в подкупе, «National» совершенно недвусмысленно писала: «продажность разливается волнами с высших слоев общества на страну». Газета напомнила при этом об ажиотаже, какой воцарился при новейших железнодорожных предприятиях. Перепечатывая письма Кюбьера, «National» прибавила следующее: «...И не в праве ли делать упрек правительству за то, что оно порождает деморализацию или что оно сообщник этой деморализации, которая теперь мало по малу просачивается во все слои общества».

5-го мая та же газета дерзнула сказать следующее о каре Кюбьера: «Мы имеем крепкое основание думать, что с ним будут обращаться гораздо больше с снисходительностью, нежели по всей справедливости. Впрочем, какие бы последствия ни имело это дело, уже невозможно смыть его следы, и в истории нынешнего правительства оно останется позорным клеймом на челе запятнавших свою честь».

«Presse» – газета Жирардена – силилась показать, что весь

этот скандал вытекал из политики Гизо.

7-го мая палата пэров в тайном заседании решила начать следствие. Председателем следственной комиссии был назначен канцлер герцог Пакье. В члены комиссии попали 10 пэров: герцог де-Брольи, герцог Деказ, граф Порталис, виконт Дод, барон Жиро, герцог Фезенсак и гг. Барт, Пераль, Леганьер и Ренуар.

Два дня спустя следователь отправился в квартиру Кюбьера для наложения ареста на его бумаги. Ренуару было поручено составить доклад о результатах следствия. 21-го июля 1847 г. читался этот доклад, и обвинитель держал свою речь, а 26-го было постановлено предать суду Депан-Кюбьера, Пармантье, Теста и некого Пеллапра. Только тогда разрешено было газетам напечатать доклад Ренуара.

Доклад изобилует интересными подробностями. Фирма Пармантье, Галье и К°, уже начавшая без разрешения эксплуатацию копей каменной соли, находившихся ниже залежей каменного угла, принадлежавших этой фирме, желала получить концессию на помянутые копи. Министр финансов отнесся неблагоприятно к этому ходатайству. В 1841 г. Кюбьер, уже два года состоявший участником названной компании, принялся за хлопоты. 5-го февраля 1842 г. были предоставлены в его распоряжение 25 акций, чтоб облегчить достижение его намерений. Но так как 25-ти акций оказалось недостаточно, то он потребовал 40, но ему не могли дать столько.

Переговоры с министром публичных работ, Тестом, которого требовалось склонить на свою сторону, велись при посредничестве одного капиталиста Пеллапра. Несмотря на все хлопоты и жертвы, компания получила в 1843 г. концессию только на 6 километров, а не на 14, которых добивался Пармантье. Весьма недовольный таким результатом, Пармантье обвинил генерала Депан-Кюбьера в том, что он присвоил себе суммы, предназначенные для взяток. Он угрожал ему опубликованием его писем. Вообще Пармантье старался не упустить своих выгод. Когда дела компании пошли дурно, он потребовал от Кюбьера, чтоб тот выкупил у него 50 акций, а в противном случае грозил напечатать скандализирующую брошюру на его счет. Но Кюбьер заупрямился и ответил, что он никому не позволит позорить его и клеветать на него. Затем, после 18-ти месячного молчания, последовал процесс Пармантье с участниками компании, не платившими своих взносов.

Во время этого-то процесса и всплыли на поверхность помянутые письма Кюбьера. Пармантье заявил, что он никогда не помышлял о подкупе, и что суммы выдавались Кюбьеру из опасения, как бы он не воспользовался своим влиянием, чтоб концессия досталась конкуренту Пармантье. Кюбьер утверждал, что в официальном мире он имел отношения только к мелким чиновникам, что он вполне полагался на Пеллапру, который уверял генерала, что он доставит сильную поддержку компании, хотя Кюбьер и не знал, в чем

она состояла и кто тут замешан. И суммы, которые ему вручались компанией и те, которые он считал нужным тратить из собственных средств в интересах компании, он передал Пеллапре.

Тест показал, что знать не знает и ведать не ведает ничего. Дело становилось все более запутанным. Был ли Кюбьер обманщик или обманутый взяточник, а Пармантье – обманутый или вымогатель?

Тем временем оппозиция продолжала свою борьбу с возрастающей силой. «National» позволил себе заметить: «вероятно процесс г. Кюбьера кончится тем, что его прекратят». Но угроза тремя годами тюремного заключения и большим денежным штрафом напомнила газете, что не всегда уместно высказывать то, что думаешь. Однако, неделю спустя та же газета заявила по поводу новых выяснившихся подробностей этого дела: «у нас политика без всякой гордости, администрация без руля и ветрил, финансы в самом плачевном состоянии, много скандальных процессов и система подкупа, которая прямо-таки бессовестная».

Оппозиция обвиняла министерство в раздаче орденов за чисто личные услуги, обнаружили случаи тяжкого нарушения дисциплины в управлении армии и флота, ходили слухи об одном законопроекте, за который министру были предложены 1 200 000 франков. «Presse» рассказывала, как на третий лирический театр и на «Théâtre Italien» дана была концессия за взятки, и утверждала, что за 80 000 фр.

представлялась возможность всякому добиться титула пэра.

Газета «National», указывая на одного министра, получившего от одной железнодорожной компании 500 вполне оплаченных акций, писала: «Неужели недостаточно поднять занавес, за которым оперировала эта шайка плутов, которую кабинет упорно охраняет, как своих добрых друзей? Когда правительство заходит так далеко, то настает его конец; если общее настроение умов обнаруживает такое недоверие, такое презрение к нему, то это правительство может еще оставаться, но оно перестает жить».

8-го июля 1847 г. палата пэров имела свое первое судебное заседание. Там не было ни особой скамьи для подсудимых, ни жандармов. Из обвиняемых присутствовали только двое. Пеллапра бежал. Зрителей явилось много, особенно депутатов. Четверть 12-го возвестили: «суд идет!» Появились герцог Павье, канцлер суда и президент палаты пэров, и члены суда, затем – Тест, Кюбьер и Пармантье в сопровождении своих защитников. Тест привел с собой еще двух адвокатов, из них один был раньше его секретарем, другой – начальником кабинета.

«Тесту 67 лет, у него южный выговор, большой, выразительный рот, глубокий шрам на правой щеке, плешивый и умный лоб, глубоко ввалившиеся глаза и иногда сверкающие блеском». Так описывает его Виктор Гюго. В петличке у него была росетка командора Почетного Легиона. Спокойно заявил он суду, что третьего дня он сложил с себя свою должность и свой титул. Это он сделал в письме к королю: «вручаю вашему величеству мою отставку от звания пэра Франции и президента кассационного суда, чтоб во время судебного разбирательства, которое начинается, быть охраняемым только своей невиновностью».

У Кюбьера, который на 6 лет моложе Теста, не было ни одного ордена. Пармантье только 55 лет. По свидетельству

Гюго, «он толст, плешив, волосы его седые лицо красное, нос крючковатый, губы тонкие, мина плутовская. Это – человек, совершенно наивно сам себя считающий дрянью».

Большая часть этого первого заседания прошла в чтении обвинительного акта, на что потребовалось добрых три часа. Кюбьера – пэр Франции, Пармантье – адвокат, Пеллапра – бывший сборщик податей – обвинялись в подкупе министра публичных работ Теста взятками и подарками, с целью добиться концессии на копи каменной соли. Тест, пэр Франции, обвинялся в получении взяток и подарков. Сверх того, Кюбьер и Пеллапра обвинялись в присвоении себе части сумм, предназначавшихся на взятки. В тот же день Бюбьер, Тест и Пармантье были арестованы и посажены в «Conciergerie».

9-го июля состоялось второе заседание суда, опять-таки в присутствии многочисленной публики. С нетерпением слушалось чтение новых документов. Это были письма, адресованные Кюбьером Пеллапра. Их доставил суду вице-президент палаты депутатов Леон де-Мальвилль, получивши их в свою очередь от Мараста, сотрудника «National». Они доказали ясно, что Кюбьер во всем этом деле был самый несчастный.

«Отныне я не хочу уже более быть жертвой и одураченным г-м... (Тестом). Я наконец решил предоставить себя в распоряжение суда, чтоб избавиться, если возможно, от его алчности, чтоб не платить, чего я никогда не был должен».

Тест опять заявил, что он ничего не понимает во всем этом деле. Он пытался набросить подозрение на Кюбьера в том, что он присвоил себе все деньги, передававшиеся ему на взятки. Пармантье утверждал, что никогда не думал давать взятки. Но так как президент настоятельно желал узнать имя той личности, жертвой которой считал себя Кюбьер, то последний встал и со слезами на глазах указал на Теста.

В третьем заседании суда допрашивался бывший министр публичных работ. Он упорно отрекался от всего: «я отрицаю обвинения всеми силами моей души; я с твердостью чистой совести противопоставляю этим обвинениям безусловное отрицание, от которого ставлю в зависимость всю свою жизнь, всю свою честь, находящуюся в ваших руках».

Кюбьер давал деньги. Это несомненно. Тест не хотел брать никаких денег. Стало быть, плутом оказывался Пеллапра. Зять Пеллапра, князь Шимэ, услышав такое обвинение против своего тестя, немедленно отправил Тесту вызов на дуэль с требованием тотчас же прислать своих секундантов.

В четвертом заседании суда узнали, что 12-го сентября 1843 года депутат Карл Тест, сын обвиняемого, сделал вклад в государственное казначейство на 95 000 франков ценными бумагами. Были прочитаны также письма, адресованные бывшим министром Пеллапра. Жена последнего, по указанию своего мужа, передала эти письма суду. Когда предъявили их Тесту, он взял их дрожащей рукой и сказал: «да,

это – мой». Письма окончательно сразили этого подсудимого. Он уже потом не являлся в суд. «Вчера я – пишет Виктор Гюго, – видел Теста невинным, сегодня я вижу его виновным, вчера я дивился ему, сегодня я попытался бы его презирать, если бы он не был так несчастлив, и я питаю к нему только сострадание»...

Когда предъявили Тесту квитанцию государственного казначейства на 95 000 фр., он покраснел, с ужасом потер себе лоб и обернулся к сыну. Они обменялись несколькими словами, затем Тест стал перелистывать свою записную книжку, а сын его опустил голову на свои обе руки.

На следующий день в Париже царило большое возбуждение. Тест, накануне вечером, покушался на самоубийство в Люксембургской тюрьме, куда его перевели. Он сделал два выстрела себе в рот и в сердце, но оба неудачно, и от них осталась только легкая рана на груди его. Раненый был очень спокоен, он попросил дать ему «Monte Christo» Александра Дюма-отца, но книги этой не оказалось в тюремной библиотеке. В тот вечер он обедал в компании со своими адвокатами и сын навещал его. Вскоре, как только ушли посетители, послышались выстрелы. Тест отказался сообщить, кто принес ему пистолет. 13-го июля он написал президенту Пакье: «г. канцлер! События вчерашнего заседания не оставляют никаких возражений относительно того, что касается меня, и для себя я считаю дело суда оконченным. Я заранее принимаю все, что решит суд в отсутствии меня. Суд, позволитель-

но надеяться, не употребит против меня личного принуждения и не станет насильно добиваться моего личного и совершенно излишнего присутствия при актах правосудия и выяснения истины. Прошу суд быть уверенным, что это бесповоротное решение в моем сердце вполне согласуется с глубоким уважением к характеру и достоинству моих судей».

Следующее заседание суда происходило в отсутствии Теста. Речь обвинителя предлагала для трех подсудимых кары, полагающиеся за подкуп властей. Защитникам досталась тут нелегкая задача. Защитник Кюбьера бросил взгляд на долголетнюю и почтенную карьеру своего клиента, на его военные подвиги, на его отличную аттестацию в качестве солдата. «Ах! – сказал защитник, – если в праве строго укорять человека за единственное дурное деяние, которое он совершил во все время своей жизни, то справедливость требует, чтоб единственный день заблуждения и слабости не уничтожил этого славного прошлого». Вид этого старого солдата, которому пришлось попасть на скамью подсудимых вместе с Пармантье, этого старика, которого эксплуатировали, подозревали в воровстве, и в подкупности, вызвал сострадание и в публике, и в судьях.

Защитнику Теста еще труднее было оправдать своего клиента. Ему оставалось только взывать к снисходительности суда. Это он и сделал, сказавши: «гг. пэры! несчастный, место которого перед вами остается пустым, хотел сам апеллировать к божескому правосудию. Но судьба или Провидение

обрекло его на земное правосудие. Она хотела, чтоб во исполнение своего последнего долга, налагаемого на меня моим призванием, я сказал те единственные слова, какие здесь могут быть уместны взамен невозможной защиты», и вполне безнадежно он так заключил свою речь: «не забывайте слов Боссюэта, что милосердие есть существенная часть правосудия».

Защитнику Пармантье невозможно было возбудит к нему какое-либо сочувствие. Если этот подсудимый и не был вымогателем, тем не менее он остался клейменным, как бесовестный гешефтмахер, готовый на всякую низость в видах самообогащения.

17-го июля 1847 г. суд постановил свой приговор: Тест лишен был гражданских прав и осужден на 3 года в тюрьму с уплатой штрафа в 94 000 фр. и столько же на парижские больницы; генерал Депан-Кюбьер, оправданный от обвинения в присвоении чужих денег обманом, лишен гражданских прав с уплатой штрафа в 10 000 фр., Пармантье приговорен к такому же наказанию. Сверх того, обвиненные обязывались уплатить судебные издержки.

Тест заключен был в «Conciergerie» и оставался там до 13-го августа 1849 г. Тогдашний президент французской республики Луи Бонапарт разрешил ему отбывать свое наказание до окончания срока в лечебном заведении Шальо и простил ему 50 000 фр. из денежного штрафа. В 1850 г. Тест вышел из больницы и умер 26 апреля 1852 г.

Кюбьеру были возвращены его права, приговором апелляционного суда в Руане 17-го августа 1852 г. Наполеон III помнил, что Кюбьер служил его знаменитому дяде.

Печать осудила приговор пэров. «Journal des Débats», нашел его слишком жестоким. Газеты оппозиции, напротив, признали его чересчур снисходительным. «Presse» цифрами доказывала, что денежный штраф не так велик, как того требовал закон.

19-го июля предстал перед судом Пеллапра, разбитый старик 75 лет. Он прибыл из Люттиха. Его приговорили к лишению гражданских прав и к штрафу в 10 000 фр.

Вот как окончился этот процесс о подкупе и взятках, явившийся в некотором роде прототипом Панамского дела.

Ф. Булгаков.

«Вестник Иностранной Литературы», № 6, 1893